

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В РОССИИ

Абрамов Андрей Вячеславович

- e-mail: abram-off@mail.ru;
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Капицын Владимир Михайлович

- e-mail: kapizin@yandex.ru;
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Кокурина Ольга Юрьевна

- e-mail: kokurina@polit.msu.ru;
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Полулях Даниил Сергеевич

- e-mail: daniilpolulyakh@mail.ru;
кандидат политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Сунь Чжици

- e-mail: zhiqi777@mail.ru;
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Актуальные вопросы политической компаративистики в России / А. В. Абрамов, В. М. Капицын, О. Ю. Кокурина, Д. С. Популях, Сунь Чжици // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.06.2024
- Статья размещена на сайте 23.09.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Вступительное слово \(А. В. Абрамов\)](#)

[Событийный анализ в сравнительных исследованиях \(В. М. Капицын\)](#)

[Российские учебники по сравнительной политологии: достоинства и недостатки \(А. В. Абрамов\)](#)

[Ценностные основания российской наградной системы: сравнительный анализ исторических трансформаций \(О. Ю. Кокурина\)](#)

[Новые идеологические тренды: сравнительный анализ современного российского и западного политологического дискурса \(Д. С. Популях\)](#)

[Стратегия балансирования АСЕАН в условиях противостояния США и Китая: оценки компаративистов \(Сунь Чжици\)](#)

[Заключительное слово \(А. В. Абрамов\)](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить дискуссионные проблемы современной сравнительной политологии и презентовать научному сообществу мини-исследования по некоторым из дискуссионных вопросов политической компаративистики.

Процедура и методы. В ходе круглого стола, состоявшегося в Московском университете при поддержке Российского социально-гуманитарного журнала, были обсуждены актуальные вопросы сравнительной

политологии: возможность и перспективы применения ивент-анализа в сравнительных исследованиях; оценка состояния отечественной компаративистики через призму содержания учебных пособий по дисциплине; сравнительно-исторический анализ российской наградной системы; сопоставление отечественного и зарубежного научного дискурса об идеологиях и состоянии международных отношений.

Результаты. Установлено, что тематика и проблематика современных сравнительных исследований, их дуализм и противоречивость обусловлены во многом современным состоянием международных отношений: трансформацией однополярного мира в многополярный. Незавершённость данного процесса, его сложный и противоречивый характер приводят к тому, что традиционный научный инструментарий оказывается не всегда пригоден для исследований современных явлений и процессов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть интересны учёным-политологам, специализирующимся в области политической компаративистики, теории и методологии, исследовании международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сравнительная политология, компаративные исследования, ивент-анализ, дискурс-анализ, учебник по политологии, наградная система, современные идеологии, АСЕАН

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А. В.

Российской политической науке в 2024 г. исполняется 35 лет. Это довольно юный возраст. Официально датой рождения политологии может считаться 1989 г., когда Высшая Аттестационная комиссия СССР приняла решение о разрешении защиты кандидатских и докторских диссертаций по политическим наукам. Одновременно с этим произошло включение политологии в учебные планы вузов и началась подготовка специалистов-политологов в ведущих вузах страны.

Политическая компаративистика, или сравнительная политология – субдисциплина политической науки – ещё моложе. Попытаться установить дату её рождения в нашей стране – предмет отдельного исследования. Пока же заметим, что,

несмотря на определённые достижения, которых добились отечественные политические компаративисты, у отрасли имеются и многочисленные проблемы. Особенно «подсветила» эти проблемы современная геополитическая турбулентность, решительным образом поменявшая устоявшиеся представления о политических (прежде всего международных) явлениях и процессах, о «своих» и «чужих» в мировой политике.

Всё это заставляет начать пересмотр, требует провести некоторую ревизию того, что сделано на ниве политической компаративистики в России. Сегодняшний разговор – одна из первых попыток обратиться к изучению важнейших вопросов компаративистики в новых геополитических условиях. Сконцентрируем своё внимание на нескольких сюжетах: 1) вопросах методологии и истории дисциплины; 2) сравнительном исследовании ценностей и современных идеологий; 3) противоречиях современного многополярного мира в оценках современных политических компаративистов.

СОБЫТИЙНЫЙ АНАЛИЗ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Капицын В. М.

Одним из важнейших вопросов методологии выступает выявление значения событийного анализа, включая ивент-анализ, для сравнительной политологии, соединяющей нормативное сравнение с эмпирическим. Характеристики нескольких реальных объектов сопоставляются с образцом, или изменение объекта рассматривается в одном национальном пространстве, т. е. анализ приобретает синхронный или диахронный характер, а может и соединять оба эти «сечения», что порождает эффект «объёмного» сравнения и квазиэксперимента. Эксперименты в политическом исследовании ограничены из-за гуманитарных рисков. Г. С. Малер объясняет эти риски: «Мы задаём вопросы чрезвычайно широкого масштаба и обычно не можем контролировать среду, в которой работаем» [44, р. 6].

Но сравнение через событийный анализ, в частности ивент-анализ, позволяет ставить квазиэксперимент (изучение парламентов по отчётам и «живых» конституций по решениям конституционных судов). Это объясняет поиск выхода из кризиса сравнительной политологии в обращении к событийному знанию [26, с. 127]. Ивент-анализ «выдаёт» систематизированное

и формализованное сравнение действий акторов на определённой шкале.

К ограничениям сравнительного анализа компаративисты относят «размытость» предмета при исследовании макропроцессов [30]. Это затрудняет перевод события в объект измерения и снижает доказательность. Ивент-анализ нивелирует такие ограничения, соединяя эмпирику и теорию (наблюдение и анализ). При этом доступны варианты без углубления в математические представления временных рядов, когда ивент-анализ присутствует неявно в «мягком» (интерпретативном) сравнительном анализе (интерактивный политический процесс, дискурс-анализ) [26, с. 128]. Политологи строят событийные ряды, «накапливая» факты («ненаправленный анализ»), составляя «каталоги» («архивы»), определяя признаки для включения в каталог, что требует классификации [25, с. 320]. При этом обнаруживаются циклические («спиралевидные», «волновые») изменения объектов с повторением некоторых процессуальных свойств в новых событиях. Так, сравниваются события Версальского мира с происходящим в 2010–2020 гг. («Версаль возвращается»).

Можно привести примеры «мягких» вариантов событийного анализа [3; 18; 24]. В строгих вариантах ивент-анализ включает формализованную систему эмпирических процедур (нормативные модели, подход «сверху») [22, с. 498], в том числе с привязкой к математическим моделям (регрессия Пуассона, отрицательная биномиальная регрессия и т. д.) [39]. Применяются игровые модели, например, выявление «знаковой динамики» массовых настроений вкладчиков банков или избирателей.

В ивент-анализе выявляемые ряды событий кодируются в виде переменных и визуализируются в графиках или таблицах. Ивент-анализ широко используется, например, в политэкономии, где анализ событий привязан к рыночной динамике, когда проверяется связь между экономическим кризисом и трансформацией политического режима. В политической социологии и политической истории применяется ивент-исторический анализ (Event History Analysis).

Для событийного анализа необходимы каталоги: на их основе вырастает база данных из официальных статистических данных, архивов, документов учреждений, научных публикаций, справочников, данных СМИ. А. Лейпхарт создал один из лучших архивов по выборам (350 выборов в 26 странах). Дру-

гой пример – база исследования санкций Запада против России в период COVID-19 (И. Тимофеев, 2020–2022, РСМД). На факультете МГУ имени М. В. Ломоносова создана база данных о таком явлении, как русофобия. В инициативных исследованиях этатогенеза атлантических колониальных империй применяется ивент-исторический анализ, требующий собственной базы, создаваемой на основе проработки исторических документов (законов, папских булл, хроник) и научных источников (статей, монографий, учебников). Интересно также использование СМИ, размещающих ежедневные официальные данные. Так, ежедневные рассылки Die Zeit (ФРГ) с данными о состоянии энергетики показывают изменение вклада разных энергоносителей в производство электроэнергии в ФРГ. На их основе выстраиваются временные ряды и графики, иллюстрирующие постоянные перепады вклада «зелёных» источников: то рост, то провалы «ветрового» сегмента, что при выпадении газовой генерации требует постоянных крупных резервов угля и мазута.

База формируется при определении единицы анализа (наблюдения) [25, с. 329] – политических акторов и их актов (действий), взаимодействий акторов. В ивент-анализе единица наблюдения имеет особое значение, поскольку база должна давать детальную информацию о событиях вплоть до возможности ежедневной их фиксации. Параллельно с этим проводится работа по разъяснению понятий. Например, в исследовании И. Тимофеева санкции – это комплекс ограничительных мер, которые страна-инициатор (группа стран) применяет против страны-цели (группы стран, отдельных физических лиц и организаций), чтобы изменить политику страны-цели. Конкретизация ограничительных мер позволяет детализировать санкции и последствия.

В исследовании о зарождении атлантических колониальных империй уточняется понятие «этатогенез» на примере Португалии (римский, свевский, вестготский, военный этатогенез, зарождение имперских признаков). В качестве единицы ивент-анализа рассматриваются ряды событий – актов (принятие закона, завоевание, восстание, сражение, новое оружие), способствующих становлению колониальной империи.

Следующий шаг – кодировка данных. Для кодировки в исследовании санкций выделяются: страна (организация) – инициатор события; ведомство – непосредственный источник событий; страна-цель или функциональная тема (например, пра-

ва человека, нераспространение, терроризм и др.), к которой относится событие (таких стран или проблем может быть несколько); проблема, являющаяся поводом для введения санкций; закон или нормативно-правовой акт, на основе которого принимается решение.

В ивент-историческом анализе этатогенеза колониальных империй подключаемые временные ряды представляют собой последовательность данных, собранных за определённые периоды времени и отражённых в таблицах или графиках. Так, исследование предпосылок атлантических колониальных империй требует нескольких событийных рядов, выстраивающих последовательность кодируемых актов: а) в освободительных войнах Галисии и Лузитании; б) в развитии имперской идентичности португальцев; в) в процессе совершенствования кораблей, мореплавания, артиллерийского вооружения; г) в поддержке римскими папами колониальной экспансии Португалии.

Следующий шаг ивент-анализа – шкалирование. Все переменные имеют номинальную шкалу или шкалу равных отношений, выявляющие типичные характеристики событий и их атрибутивное распределение (положительные – отрицательные, частота, вред – польза и т. д.). Относительно исследования санкций определяются их интенсивность и действенность (эффективность). Эти свойства оцениваются по шкале со знаками + и –, а также баллами (от –10 до +10). Шкала может создаваться на основе обобщения экспертных оценок и встраиваться непосредственно в ось ординат на графике. Техники временных рядов на графиках помогают визуализировать сравнительный анализ и показать целостный процесс, проверить гипотезы, усилить эмпирическое обеспечение научной работы.

РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Абрамов А. В.

На заре развития российской политологии, в 1996 г., среди участников Всероссийской конференции по преподаванию политологии был проведён опрос. Среди заданных вопросов был и такой: «Какие области политической науки, на Ваш взгляд, особенно остро нуждаются в теоретической разработке?» Первое место среди ответов заняла «Сравнительная политология».

Её в качестве неразработанной суботрасли политической науки назвал практически каждый второй участник исследования (49,4%) [31, с. 174]. В 2005 г. специализированное исследование провели среди руководителей кафедр и преподавателей вузов, специализирующихся в области сравнительной политологии. Большая часть опрошенных скептически оценила успехи развития компаративистики в России. Среди причин, сдерживающих развитие отрасли, лидировал ответ об отсутствии хороших учебников по сравнительной политологии (79%) [23, с. 15–16].

Разумеется, число и качество учебников не являются принципиальными показателями развития определённой науки, вместе с тем учебные книги отражают состояние развития отрасли: интенсивно проводимые исследования выливаются в большое число научных работ, влекут создание учебных курсов для проявляющих интерес к данной тематике студентов, а это, соответственно, заставляет создавать учебники. С момента проведения последнего опроса прошло почти 20 лет, и ситуация с учебниками изменилась, но, как нам кажется, весьма незначительно.

Прежде всего, отметим, что под учебниками мы будем понимать, во-первых, книги, систематически излагающие основы знаний по дисциплине. Иначе говоря, в число анализируемых нами учебников не будут включаться учебно-методические пособия, хрестоматии, словари, несмотря на то, что некоторые из них имеют статус учебного пособия. Во-вторых, под российскими учебниками мы будем иметь в виду книги, написанные российскими учёными, т. е. мы не включаем в свой обзор переводы пособий иностранных авторов на русский язык.

Итак, с точки зрения географии выхода в свет российские учебники по политической компаративистике можно разделить на три группы: петербургские, московские и региональные. Исторически первыми по времени создания были учебники авторов из города на Неве. Это были книги Г. В. Голосова (1994) [7], Л. В. Сморгунова (1999) [27], В. А. Ачкасова (2002) [1] и учебное пособие, написанное в соавторстве Е. П. Борзовой и И. И. Бурдуковой (2005) [2]. Все эти работы спустя некоторое время были переизданы, а некоторые из книг – не единожды. Двое из пяти авторов переиздаваемых книг (Л. В. Сморгун и В. А. Ачкасов) – профессора Санкт-Петербургского университета.

Московские учебники стали издаваться позднее. Первым из учебников стал курс лекций А. Л. Демчука (2007) [11], за ним последовало издание пособий И. А. Василенко (2009) [4], К. С. Гаджиева (2011) [5], О. В. Михайловой (2015) [21], коллективного учебника под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной (2015) [29], пособия В. Г. Егорова, А. В. Абрамова, С. Н. Федорченко (2015) [12] и книги Т. А. Яшковой (2016) [32]. Характерной чертой московских книг является преобладание среди авторов пособий преподавателей Московского университета: из семи перечисленных книг три принадлежат перу авторов из МГУ.

Наиболее скудно представлены пособия по сравнительной политологии в российских регионах. Среди их авторов можно назвать Е. А. Гончарова (2004, Красноярск) [8], В. В. Желтова (2005, Кемерово) [13], Э. Д. Дагбаева (2010, Улан-Уде) [9], также привести в пример совместный учебник А. В. Глухой, О. А. Сиденко, Д. В. Щегловой (Воронеж, 2019) [6]. Практически все книги (кроме пособия В. В. Желтова, переизданного московским издательством) были выпущены небольшим тиражом и не вышли за пределы библиотек тех региональных вузов, в которых были изданы.

Таким образом, первой тенденцией создания учебников по политической компаративистике в России можно отметить преобладание столичных, а не региональных изданий (из 15 наименований книг в двух столицах было издано 11).

Другая тенденция связана с содержанием пособий. Значительная часть из них написана с позиций позитивистской методологии, т. е. характеризуется широким применением результатов количественных исследований и унитаристским (линейным) подходом к трактовке политического процесса. Яркими примерами такого типа учебников являются книги Г. В. Голосова, Л. В. Сморгунова, О. В. Михайловой и О. В. Гаман-Голутвиной. Довольно необычным и в известной степени парадоксальным с точки зрения «классической» западной компаративистики выглядит учебник И. А. Василенко. Он представляет собой попытку сравнительного исследования цивилизаций и написан в герменевтической традиции. Остальным авторам учебников присущи либо методологический эклектизм (ярким примером выступает книга В. В. Желтова), либо ограниченность предмета теориями «среднего уровня» и конкретными вопросами.

С точки зрения содержания среди авторов российских пособий наблюдается консенсус. Главы и параграфы пособий за-

трагивают в большинстве своём такие вопросы, как история и методология сравнения, сравнительный анализ конкретных институтов, институциональный дизайн, типология политических культур, сравнительный анализ политических режимов и процессов.

Анализ кейсов, на примере которых строятся выводы, позволяет сделать вывод о западоцентризме подавляющего большинства учебников. Примеры приводятся из политической жизни США и стран Западной Европы, а также тех стран, которые признаны Западом демократиями (Индия, Япония, Южная Корея и т. п.). Исключением из общего правила является учебник В. Г. Егорова, А. В. Абрамова, С. Н. Федорченко, предпринимающий попытку применить инструментарий политической компаративистики к государствам постсоветского пространства. Традиционно, по правилам компаративистики, из предмета исследования исключается собственная страна, поэтому в учебниках крайне редко рассматривается Россия (исключение – книги Т. А. Яшковой, О. В. Гаман-Голутвиной и В. В. Желтова).

В целом, проведённый анализ учебников по политической компаративистике позволяет выявить некоторые проблемы данной отрасли.

Во-первых, периферийность компаративистики по сравнению с другими суботраслями политологии. Об этом прежде всего говорит малое число учебников: за 35 лет существования в России политических наук в стране издано всего 15 учебников по компаративистике, из которых лишь 8 оказались достойны переиздания. В силу невысокой востребованности (сравнительная политология изучается только на специализированных политологических факультетах) некоторые авторы предпочитают писать учебники по общей политологии, добавляя в них несколько компаративных параграфов для видимости.

Во-вторых, отсутствие сложившихся научных школ по компаративистике. Достаточно отметить, что большинство издаваемых пособий написано одним автором. Лишь 3 можно полностью или с определёнными оговорками считать коллективными трудами. Таким образом, современные учебники являются авторскими курсами, а не презентацией достижений научного и учебного коллектива.

В-третьих, проблема целостного осмысления политики. Авторы учебников в большинстве случаев не предпочитают вы-

страивать курс в едином методологическом ключе, а сосредотачиваются на отдельных темах и интересующих их сюжетах. Впрочем, такого рода тенденция характерна не только для России, но и для современной политологии во всём мире.

В-четвёртых, ограниченность используемых российскими компаративистами примеров западными кейсами, что делает в современных условиях невозможными понимание многополярного мира и идентификацию в нём России.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Кокурина О. Ю.

Для П. А. Сорокина «единство, усвоение и гармония» общественных ценностей есть важнейшее условие социального мира [28]. Как следует из классических трудов Т. Парсонса, Р. Мертон и других представителей структурно-функционального направления в политологии и социологии, именно система высших принципов и ценностей вносит фундаментальный вклад в обеспечение структурной устойчивости целостной социальной системы. При этом каждое общество сохраняет жизнеспособность интегрированной социально-политической ткани с помощью не универсальных общечеловеческих, а прежде всего присущих ему национально ориентированных, цивилизационных ценностей.

На разных этапах своего исторического пути Российское государство и общество неизменно прилагали усилия по формированию адекватной аксиологической «точки опоры», способствующей стабилизации общественных устоев, сохранению основ российской государственности наряду с уверенным и поступательным движением во всех сферах жизни – духовной, социальной, экономической, политической.

К числу важнейших политико-правовых инструментов поддержания, трансформации и укрепления традиционных ценностей российского общества принадлежит институт государственных наград, наградная система государства. Исторический анализ формирования и развития наградных систем в странах мира позволяет рассматривать их, с одной стороны, как политико-идеологический регулятивный механизм государства, а с другой – как комплекс национальных символов,

сохраняющих исторические традиции и духовно-нравственные ценности данной страны. По мнению социолога А. Н. Малинкина, государственная награда выполняет три основные социально-символические функции. Она символизирует: социально-значимые действия (подвиги, заслуги, услуги), за совершение которых ею награждают; достойные почёта социальные успехи личности награждённого и достигнутый им социальный статус; власть и господство социального субъекта-учредителя награды [19]. В свою очередь, философ А. В. Деднев считает, что «наградная система России – это символическая форма социальных отношений между государством, обществом, социальными группами и личностью, отражающаяся в исторически обусловленной и развивающейся социально значимой совокупности поощрений (действующей в форме традиции или законодательно закреплённой) и знаково-символически выражающая характер развития общества, его мировоззрение, идеалы, духовно-нравственные качества, отношения, мотивации, предпочтения, ценностные и целевые ориентации» [10].

Функцию закрепления и защиты общественно значимых ценностей выполняет государство, задающее для страны смысловую ценностную ориентацию на объединение социальных групп, общества и власти в стратегической перспективе. Государственные наградные системы и их главные компоненты – ордена, медали, наградные знаки, – как правило, отражают эволюционно отобранные символы и образы, несущие в себе спектр духовно-нравственных идеалов и ценностей того или иного общественного строя, обусловленный процессами и этапами его культурно-исторических преобразований. Полагая, что наградная система Российского государства на всех исторических этапах представляет ценностно-смысловую проекцию общественного бытия и процессов социокультурного развития страны, символизм мировоззренческой и духовно-нравственной направленности российского общества [14].

В исторической ретроспективе можно выделить ряд общенациональных императивов, определивших на разных этапах развития государства аксиологическую направленность государственных институтов России. Так, учение инок Филофея «Москва – Третий Рим», концепт «Россия – православная империя», в дальнейшем трансформировавшиеся в знаменитую формулу графа С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность», заложили христианские и православные основания

для становления и формирования императорской орденовой системы. Начиная с Петра Великого, учредившего первую российскую орденовую награду в честь Св. Апостола Андрея Первозванного (1698 г.), императорские и царские ордена России стали олицетворением библейских и исторических образов христианских и православных святых, креста как символа христианской веры, ценностей православного христианского вероучения. В свою очередь, многие традиционные общенациональные ценности российского общества и принципы государственности нашли отражение в положениях статуты наград, символике и девизах орденов («За веру и верность», «За труды и Отечество»), девизах и наименованиях иных наградных знаков и медалей (например, «За верность и усердие», «За службу и храбрость», «За прилежание и благонравие» и др.) [16].

На обломках Российской империи (1917 г.) в строительстве новой государственности идеократического типа начали воплощаться планетарные претензии идеи «мирового коммунизма», исходящие из новых общественных идеалов и принципов, таких как «пролетарский интернационализм», «каждому по труду», «Москва – центр прогрессивного человечества», «развитой социализм» и пр. Место «православия» в формуле идеологической триады нового социалистического государства (РСФСР, СССР) заняло «марксистско-ленинское учение», роль «самодержавия» отведена «диктатуре пролетариата» и «коммунистической партии», а «народность» стала определяться идеологами «народ и партия едины» и «новая историческая общность – советский народ». Кардинальный разрыв с православной христианской традицией в революционной наградной политике проявился уже в учреждении первой орденовой награды РСФСР (1918 г.), базовыми символическими формами «борьбы за идеалы трудящихся масс» стали идеограммы «Красное Знамя» и пятиконечная «Красная Звезда», лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и др. Образы христианских святых в советской наградной системе заменили персонализированные символы вождя мирового коммунистического движения (орден Ленина), фигур выдающихся деятелей исторической России (А. В. Суворова, М. И. Кутузова и др.). Нашли отражение как революционные и коммунистические идеалы, так и ценности интернационализма и советского патриотизма (ордена «Октябрьской Революции» и «Дружбы народов», орден «Победа» и орден «Славы»). Причём с учреждением ордена

«Александра Невского» в советской наградной системе сделан определённый шаг в переходе от пролетарско-интернациональной символики к государственным и национально-патриотическим смыслам и ценностям, исторически свойственным русскому миру [15; 20]. Вместе с тем ценностные приоритеты большинства советских орденов и медалей, почётных званий (звания «Героя Советского Союза» и «Героя социалистического труда», ордена «Трудового Красного знамени» и «Трудовой славы», медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» и др.) были идеологически направлены на «укрепление самого передового и демократического в мире социалистического строя». Значительное место в наградной политике и практике отводилось поощрению и стимулированию военного и трудового подвига, самоотверженного труда, которому придавался метафизический, сакральный смысл: «Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Причём представляется бесспорным, что институт государственных наград утверждал в советском обществе примат моральных символов над материальными и морального поощрения над материальным [17].

После кардинальной смены общественного строя и конституционной отмены государственной идеологии (1993 г.) российское общество надолго погрузилось в состояние аномии, ценностного вакуума, переоценки и эрозии многих фундаментальных государственных и общественных приоритетов. Зачастую в сознании большей части общества утверждалась иная система ценностных ориентаций, чуждых традиционным духовно-нравственным ценностям российского социума. Такого рода явления нашли отражение и в процессах становления нового наградного института Российской Федерации. Так, при переходе от советской системы наград к государственным наградам РФ из оснований для награждения новыми орденами и медалями исчезли такие традиционные личные и коллективные ценности и ориентиры, как «труд» и «трудолюбие». Это явилось прямым следствием системного аксиологического кризиса и девальвации в 1990-е гг. трудовых заслуг с тенденцией к замещению их стяжательством и воинствующим эгоизмом, несвойственными традиционному сознанию россиянина. Обращает на себя внимание и абсолютное отсутствие государственных наград в поощрение заслуг по воспитанию подрастающего поколения, орденов и медалей за многодетное материнство, а

именно в эти годы наблюдались резкий спад рождаемости и рост детской и юношеской преступности.

Новый этап в формировании наградной системы РФ наступил в 2000-е гг., когда позитивные перемены в отечественной государственной политике привели к осознанию необходимости повышения эффективности института государственных наград и формированию новой повестки в наградной политике публичной власти. Прежде всего это относится к возвращению внимания государства к ценности труда, к трудовым заслугам, к трудящимся на разных направлениям гражданам. Так, были учреждены новые наградные медали «За труды в сельском хозяйстве» (2004 г.), «За развитие железных дорог» (2007 г.), «За заслуги в освоении космоса» (2010 г.). Прямым актом преемственности ценностей Российской Федерации по отношению к советской системе наград стало возвращение в наградной комплекс высшей степени отличия перед государством и обществом за особые трудовые заслуги – установлено звание «Герой Труда Российской Федерации» (2013 г.). Другим направлением возрождения традиционных имперских и советских ценностей как основания для государственного награждения стало учреждение наград за заслуги в укреплении института семьи, воспитании детей и молодёжи: учреждение ордена «Родительская слава» (2008 г.) и медали ордена «Родительская слава» (2010 г.). Следует также упомянуть об учреждении ордена Святой великомученицы Екатерины и знака отличия «За благодеяние», продолжающих славные российские традиции благотворительности и милосердия, активной общественной деятельности, в том числе направленной на укрепление и развитие института семьи и брака (2012 г.) [9]. Надо признать, что такого рода наградные новеллы удачно возрождают и снова вводят в политико-правовой оборот вечные духовно-нравственные ценности Российского государства и общества, выраженные такими иногда забываемыми терминами, как «милосердие», «благодеяние», «благотворительность», «нравственность» и пр.

После событий Крымской весны (2014 г.) наметился новый этап, который можно обозначить периодом возрождения суверенной государственности РФ, возвращения российского многонационального народа к исконным цивилизационным корням, духовно-нравственным идеалам, имеющим тысячелетнюю историю. Для этой тенденции особое значение приоб-

рело внесение в Конституцию Российской Федерации (2020 г.) поправки, нормативно закрепившей получившее всеобщее одобрение положение общественно-государственных дискуссий по проблемам содержания традиционных духовно-нравственных ценностей. Принятием конституционных изменений открылась новая страница в истории российской государственности и строительства русской цивилизации. Положения, нацеленные на защиту базовых семейных ценностей, исторической правды, на усиление духовного и нравственного воспитания, поддержку и охрану культуры как уникального наследия многонационального российского народа, имеют огромное значение для определения стратегии и дальнейших путей развития нашей страны.

Благотворные государственные и общественные перемены нашли своё отражение в совершенствовании аксиологической базы государственной наградной системы. Так, государством учреждены знак отличия «За наставничество» (2018 г.), направленный на воспитание молодёжи, орден для поощрения в сфере практической медицины, названный в честь российского хирурга Н. И. Пирогова (2020 г.), и орден «За заслуги в культуре и искусстве» (2021 г.). Совсем недавно в состав государственных наград вошли орден Гагарина (2021 г.), присуждаемый за успехи в космической сфере, а также почётный знак Российской Федерации «За успехи в труде» (2021 г.) и орден «За доблестный труд» (2024 г.), которыми по статуту могут быть отмечены не только личные, но и достойные коллективные заслуги. Ещё одним важным напоминанием о советских приоритетах и традициях стало включение в число высших званий РФ звания «Мать-героиня» для женщин, родивших и воспитавших десять и более детей¹.

Можно утверждать, что без фиксации спектра ценностей, которыми руководствуется жизнедеятельность государства и общества в целом, невозможно определить будущие цели и направления жизни всей страны. Духовно-нравственные идеалы являются прежде всего ценностями смысложизнеобразующими, что призваны лежать в основе основополагающих целей человеческой жизни, придающих смысл человеческому существованию и делающих его наполненным созидательной дея-

¹ Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 11.03.2024) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. №37. Ст. 4643.

тельностью во имя не только настоящего, но и будущего. Совершенствование государственной наградной системы является важным инструментом, способствующим консолидации и укреплению той системы ценностей, которая образует фундаментальную основу и определяет коренные цели суверенного существования и всестороннего культурно-исторического развития многонациональной российской цивилизации.

НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО И ЗАПАДНОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Полулях Д. С.

Идеологическое измерение современной политики стремительно меняется под влиянием технологических, экономических, демографических и других процессов. Политология призвана выявить наиболее значимые из этих трендов, однако взгляды различных исследовательских сообществ на текущие идеологические процессы могут существенно различаться.

В данном исследовании мы попытались выявить особенности интерпретации новых идеологических трендов представителями западного и российского политологических сообществ путём сравнения публикаций журналов «Journal of Political Ideologies» (далее JPI) и «Россия в глобальной политике» (далее «РГП»). Были проанализированы статьи, опубликованные с начала 2019 г. по середину марта 2024 г. и содержащие информацию о новых идеологических трендах, а также о современных идеологиях в целом. Кроме того, к публикациям в «РГП» был применён дополнительный фильтр – анализировались только статьи, которые в электронной версии журнала имели тег *#идеология*. В итоге в объектив исследования попали 29 статей европейского журнала и 23 статьи российского издания.

Таблицы 1 и 2 демонстрируют идеологические тренды и количество журнальных статей, в которых они упоминались.

Таблица 1 / Table 1

Основные идеологические тренды в публикациях Journal of Political Ideologies, 2019–2024 гг. / Main ideological trends in the publications of the Journal of Political Ideologies, 2019–2024

Количество публикаций	Идеологические тренды
1	Снижение качества идеологий: эфемерность современных идеологий, распространение «идеолоноидов», ориентация идеологий на количество сторонников, а не качество содержания
1	Повышение роли идентичности в идеологиях
1	Повышение роли межличностной этики в идеологиях
1	Противостояние идеологий: неолиберализм vs феминизм / квир-политика vs антигендерное движение
1	Появление новых идеологий: анимализм
1	Возрастание роли идеологии и идеологическая поляризация в США
1	Распространение хиндутвы в Индии
1	Трансформация идеологии Консервативной партии Великобритании: отход от принципов тэтчеризма

Таблица 2 / Table 2

Основные идеологические тренды в публикациях «России в глобальной политике», 2019–2024 гг. / Main ideological trends in the publications of Russia in Global Affairs, 2019–2024

Количество публикаций	Идеологические тренды
8	Появление и распространение леволиберальных / прогрессистских идеологий и теорий (современный феминизм, Black Lives Matter, ЛГБТ, мультикультурализм и др.) на Западе. Становление «постлиберального авторитаризма»
5	Активизация правоконсервативных идеологий на Западе. Усиление цивилизационного или транснационального противостояния леволиберальных и правоконсервативных сил

Продолжение Таблицы 2 / Table 2.

5	Разработка новой национальной идеологии в России
4	Кризис либерализма как доминирующей идеологии современности. Появление альтернатив либерализму
2	Кризис секуляризма и возрастание роли религиозного фактора в политике
2	Идеологическая экспансия Запада
1	Развитие идеологии КНДР

Определённое представление об особенностях интерпретации новых идеологических трендов научными сообществами может быть также составлено по итогам подсчёта количества публикаций, анализирующих те или иные современные идеологии в целом (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3 / Table 3

Современные идеологии в публикациях Journal of Political Ideologies, 2019–2024 гг. / Modern ideologies in the publications of the Journal of Political Ideologies, 2019–2024

Количество публикаций	Современные идеологии
11	Популизм
11	Американские и европейские правоконсервативные идеологии
2	Неолиберализм
2	Хиндутва
1	Экологический скептицизм
1	Европейский муниципализм
1	Анимализм
1	Концепция антироста
1	Национализм

Таблица 4 / Table 4

Современные идеологии в публикациях «России в глобальной политике», 2019–2024 гг. / Modern ideologies in the publications of Russia in Global Affairs, 2019–2024)

Количество публикаций	Современные идеологии
6	Идеологии правоконсервативного спектра
6	Прогрессивизм
6	Либерализм. Русское западничество
2	Концепция России как «государства-цивилизации»
2	Клерикализм. «Ядерное православие»
1	Китайская модель
1	Кимчененизм
1	Популизм

Проведённый количественный и качественный анализ публикаций позволяет выявить сходства и различия в интерпретациях идеологических трендов между двумя сообществами авторов. Одной из основных идеологических тенденций современного мира оба журнала считают усиление правоконсервативных сил (в «РГП» это выражено прямо, в JPI – косвенно). Сходна и география анализа – изучаются идеологические процессы прежде всего в США, Европе и России. Оба журнала схоже рассматривают идеологический статус-кво в мире как доминирование либеральной идеологии (для авторов JPI, правда, эту позицию занимает конкретная разновидность либерализма – неолиберализм).

Наиболее существенной особенностью публикаций JPI является значительно смещённый акцент в сторону анализа правоконсервативных идеологий и практическое отсутствие публикаций, посвящённых разбору современного прогрессивизма и леволиберальных идеологий. Возможно, авторы не усматривают в них какого-то нового отдельного феномена, заслуживающего внимания. Между тем есть основания полагать, что «подъём прогрессивизма – это эпохальный сдвиг

внутри западных левых сил» [40]. В противоположность этому в «РГП» обращение к правому флангу современных идеологий уравнивается анализом прогрессивизма на Западе. Причём последний рассматривается преимущественно в негативном ключе – как угроза демократии на Западе и как цивилизационный вызов для России.

Ещё два заметных отличия между журналами – повышенное внимание к феномену популизма в JPI и обилие публикаций по проблеме разработки новой национальной идеологии в России в «РГП» – объясняются, на наш взгляд, особенностями профиля изданий.

Публикации обоих журналов ценны для исследователя, изучающего политические идеологии, но также имеют и ограничения. JPI предлагает фундаментальный теоретический анализ идеологий. Публикации журнала отличаются вниманием к деталям и критической рефлексией по отношению к академическому и политическому дискурсам об идеологиях². Но журнал очень немного может сказать о том, какую роль играют идеологии в актуальной политической борьбе, и лишь отдельные статьи предлагают целостное видение идеологических трендов мира. Публикации же «РГП» сосредоточены преимущественно на практических аспектах идеологий и часто представляют обобщённый взгляд на текущие тренды. Используемые обобщения, тем не менее, могут излишне упрощать комплексные процессы политической реальности. Это касается, к примеру, популярной в публикациях этого журнала конструкции о международном или транснациональном противостоянии леволиберальных и правоконсервативных сил. Одна из статей в JPI была посвящена как раз критике дискурса о союзе между левыми и либералами на Западе. По мнению Дж. Гуннарсон Пейн и С. Торнхилл, существуют серьёзные идейные расхождения между неолибералами и «настоящими» левыми [42].

Научная литература об идеологиях и идеологических трендах представляет безусловную важность для политической компаративистики, особенно для сравнительных исследований политических идеологий, партий и социальных движений. Но адекватное познание в этой области требует понимания особенностей политологического дискурса об идеологиях. Не

² Так, 7 из 11 публикаций по проблемам популизма в JPI содержали критическую оценку доминирующих представлений о популизме и ставили своей задачей развенчать определённые мифы о данном феномене.

редко сами исследования идеологий являются идеологизированными, что проявляется в опредмечивании и последующей секьюритизации определённых идеологических позиций. Кроме того, представления о глобальных идеологических трендах могут быть искажёнными, учитывая, что как российские, так и зарубежные исследования до сих пор мало внимания уделяют идеологическим процессам в западных странах.

СТРАТЕГИЯ БАЛАНСИРОВАНИЯ АСЕАН В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ США И КИТАЯ: ОЦЕНКИ КОМПАРАТИВИСТОВ

Сунь Чжици

В 1990–2010 гг. международная политическая система в Юго-Восточной Азии (ЮВА) дважды претерпела влияние фундаментальных изменений: сначала переход от противостояния США и СССР к гегемонии США, затем к противостоянию США с Китаем и Россией и обозначению тенденции к многополярности. Повышение степени взаимозависимости между странами сочеталось с обострением отношений и постепенным ослаблением связи экономик США и КНР. АСЕАН, тем не менее, получила шанс стать самостоятельным экономическим полюсом и «балансиром» в регионе.

Китайские учёные внесли большой вклад в исследование стратегии АСЕАН как выступающей в роли «балансира» между крупными державами, поддерживающего равновесие сил в ЮВА. Большинство китайских экспертов при определении внешней стратегии АСЕАН используют один термин – «стратегия балансирования великих держав», т. е. организация не исключает влияния великих держав в ЮВА, но берёт на себя инициативу по созданию механизма диалога с ними, «смягчая» силу нескольких сторон («многомерный баланс»), используя противоречия сторон через механизм многостороннего сотрудничества. Это не позволяет определённой великой державе стать слишком мощной в регионе [34]; балансирование сверхдержав подразумевает включение влияния России, Японии, Индии, Австралии, Ирана.

С точки зрения китайских учёных, эта стратегия является стратегическим выбором АСЕАН в новой региональной ситуации. АСЕАН опасается растущего влияния Китая в ЮВА, а США считает «умеренной» сверхдержавой, поэтому организация

способствует увеличению влияния Японии, чтобы противостоять Китаю [37]. Утверждается, что данная стратегия сочетается с дипломатической тактикой АСЕАН, чтобы заполнить вакуум власти, возникший в ЮВА после окончания холодной войны. Относительная слабость стран АСЕАН накладывает ограничения в реализации стратегии, тем не менее она способствовала сдвигу к многополярности в регионе и обеспечению интересов всех стран [36]. АСЕАН превратила «балансирование великих держав» в особую региональную дипломатию, используя систему противовесов между США и Китаем, чтобы достичь лидирующих позиций в регионе [33] и поддержать стабильность в АТР [35].

АСЕАН постепенно вносит некоторые коррективы в свою стратегию по мере роста перспектив её развития и стратегического положения, а также в ответ на изменения во взаимодействии региона с соседними странами. Некоторые китайские учёные считают, что АСЕАН более склонна к развитию отношений с США и с опаской относится к Китаю. АСЕАН укрепила дипломатические связи с США, усилила сотрудничество с Японией в поддержании свободы судоходства, авиации и безопасности в Восточно-Китайском море, провела внешнюю политику активного взаимодействия и одновременно бдительности в отношении Китая. Отдельные страны АСЕАН, опасаясь, что развитие Китая будет представлять для них угрозу безопасности, активно включились в военное сотрудничество с США в надежде, что американцы увеличат своё военное присутствие и инвестиции в регионе, чтобы обеспечить собственную безопасность и сдержать мощь Китая. В частности, Филиппины, имеющие морские территориальные споры с Китаем, особенно обеспокоены своими суверенными правами в Южно-Китайском море и пытаются интернационализировать споры в этой области. АСЕАН опасается настойчивости Китая в военной сфере в ущерб внутренним интересам стран-членов организации. Одновременно с этим на экономическом фронте АСЕАН укрепляет сотрудничество с Китаем, надеясь влиять на его экономическое развитие и разделить его плоды. С другой стороны, АСЕАН по-прежнему придаёт большое значение сотрудничеству с Японией в технологической и инвестиционной сферах, не полагаясь полностью на Китай.

Таким образом, китайские учёные, изучая стратегию АСЕАН по поддержанию сбалансированной ситуации, в основ-

ном фокусируются на контексте и предпосылках принятия АСЕАН этой стратегии и оценке её целенаправленности и последовательности, уделяя особое внимание отношению АСЕАН к Китаю и США. Сформировалось убеждение, что стратегические соображения АСЕАН – самостоятельное балансирование своих отношений с великими державами, выраженное формулой «экономической зависимости от Китая и зависимости от Соединённых Штатов в сфере безопасности».

Западные учёные, в отличие от китайских, в основном описывают политические предпочтения АСЕАН с точки зрения реализма и конструктивизма, предлагая различные интерпретации регионализма. Реалисты считают, что единственным решением «дилеммы безопасности» в международных отношениях является попытка сохранить «баланс сил», на что и должен быть направлен регионализм. Реалистская точка зрения доминирует в изучении внешних отношений АСЕАН. М. Лейфер использует теорию баланса сил для объяснения политики АСЕАН, утверждая, что АСЕАН в первую очередь предотвращает появление в регионе государства-гегемона [43, р. 57]. Его ученик Р. Эммерс указывает на роль таких институтов, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), в сдерживании гегемонистского поведения крупных держав, а также на то, что такой баланс помогает сохранить независимость и автономию более мелких игроков в регионе [41, р. 7]. Книги указанных авторов являются наиболее систематизированными работами, анализирующими внешние отношения АСЕАН через призму реализма.

А. Ачарья, профессор университета в Вашингтоне, склонен использовать конструктивизм для изучения АСЕАН. Он утверждает, что АСЕАН должна сосредоточиться на региональных проблемах, продолжать взаимодействовать со средними державами и использовать свою сплочённость и как посредника, и как самостоятельного центра, всячески усиливая символическое влияние своей организации. Само присутствие АСЕАН как актора со своей стратегией противоречит традиционному реалистскому взгляду на доминирование великих держав в поддержании стабильности. АСЕАН смогла найти свою позицию и влиять на конкуренцию великих держав в ЮВА [38].

Конструктивисты, более склонные подчёркивать региональную сплочённость АСЕАН и фокусироваться на региональных проблемах, утверждают, что организация вносит вклад, в том числе с помощью коллективной публичной дипломатии

и «мягкой силы», в создание региональной архитектуры безопасности и поддержание регионального мира и стабильности, регионального и глобального сотрудничества в области безопасности и содействия укреплению доверия и разрешению конфликтов.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А. В.

Подводя некоторые итоги прошедшего обсуждения, необходимо заметить, что сравнительное исследование современных институтов, процессов, политических идеологий и ценностей находится, как представляется, в некоей «точке бифуркации».

Заметим, что во взглядах современных российских и зарубежных компаративистов уживаются как старые, традиционные, так и новые, ещё не до конца сформированные представления о тех или иных феноменах современности. Данная тенденция очень ярко показана в выступлениях В. М. Капицына, Д. С. Полуляха, Сунь Чжици, посвящённых вопросам политической методологии, журнального или книжного научного дискурса. Отмеченный дуализм объясняется, думается, появившейся неопределённостью в судьбе современного мира. Очевидно, что человечество находится у развилки: оно уже не будет однополярным, но и контуры грядущей многополярности ещё не совсем видны. Отсюда и непригодность старого методологического инструментария для описания происходящих политических процессов.

Особый интерес представляет проведённое О. Ю. Кокуриной сравнительно-историческое исследование наградной системы имперской и современной России. И здесь тоже наблюдается единение традиций и новшеств. Но если в случае с методологией и дискурсом объяснением двойственности взглядов компаративистов может служить современный текущий момент – трансформация однополярного мира в многополярный, – то случай России иной. Как представляется, соединение имперской, советской и современной традиций в наградной системе свидетельствует о мучительной попытке нашего Отечества выстроить, опираясь на традиционные многовековые ценности, единую историю России со всеми её достижениями и проблемами.

В любом случае, состоявшийся обмен мнениями, презентация проделанных сравнительных исследований представляются весьма важным делом. Будем надеяться на продолжение этого интересного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасов В. А. Сравнительная политология: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. 181 с.
2. Борзова Е. П., Бурдукова И. И. Основы сравнительной политологии: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2005. 207 с.
3. Бродель Ф. Время мира / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
4. Василенко И. А. Сравнительная политология: учебное пособие. М.: Юрайт: Высшее образование, 2009. 376 с.
5. Гаджиев К. С. Сравнительная политология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным и социальным специальностям и направлениям. М.: Экономика, 2011. 397 с.
6. Глухова А. В., Сиденко О. А., Щеглова Д. В. Основы сравнительной политологии: учебное пособие. Воронеж: Издательский дом Воронежского государственного университета, 2019. 122 с.
7. Голосов Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1994. 177 с.
8. Гончаров Е. А. Теоретические основы сравнительной политологии: курс лекций для студентов всех специальностей очной формы обучения. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет, 2004. 164 с.
9. Дагбаев Э. Д. Сравнительная политология: учебное пособие для студентов специальности 030201.65 Политология. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2009. 243 с.
10. Деднев А. В. Наградная система как социальный феномен (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 22 с.
11. Демчук А. Л. Лекции по сравнительной политологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030200 «Политология». М.: Университетская книга, 2007. 163 с.

12. Егоров В. Г., Абрамов А. В., Федорченко С. Н. Сравнительная политология постсоветского пространства: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2017. 411 с.
13. Желтов В. В. Сравнительная политология: учебное пособие для вузов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. 338 с.
14. Кокурина О. Ю. Введение в историю наградного права Российского государства // Кокурина О. Ю. История наградного права Российского государства: хрестоматия: в 3 ч. Ч. 1. Российская империя: 1698–1917 гг. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2018. С. 6–97.
15. Кокурина О. Ю. Государственные награды в России (телеологические и аксиологические основания правового регулирования): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 57 с.
16. Кокурина О. Ю. Государственные награды в России: вопросы теории и практики. М.: Проспект, 2015. 512 с.
17. Кокурина О. Ю. Фундаментальные общественные ценности в наградных традициях Российского государства // Вестник Евразийской академии административных наук. 2013. №4. С. 10–24.
18. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / пер. с англ. Б. И. Макаренко. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
19. Малинкин А. Н. Социальная природа награды: исследование по социологии власти // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. №23. С. 188–219.
20. Малинкин А. Н. Социально-этический смысл государственных наград СССР периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Исторический журнал: научные исследования. 2012. №6. С. 7–20.
21. Михайлова О. В. Сравнительная политология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 310 с.
22. Новоселов М. В. Горизонт социологического применения event-анализа // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. №1. С. 497–506.
23. Павроз А. В. Преподавание сравнительной политологии в России // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки по сравнительной политологии. 2006. №1. С. 15–16.
24. Салмин А. М. Современная демократия. М.: Ad Marginem, 1997. 447 с.
25. Семенов А. В. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №2. С. 317–341.

26. Сморгунов Л. В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2011. №1. С. 122–133.
27. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 374 с.
28. Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 491–501.
29. Сравнительная политология: учебник / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-пресс, 2015. 752 с.
30. Тимофеев И. Н. COVID-19 и политика санкций: опыт ивент-анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. №4. С. 449–464.
31. Шестопал Е. Б., Климов И. А., Нестерова С. В. Некоторые проблемы политологического образования в высшей школе России // Полис. Политические исследования. 1997. №1. С. 167–181.
32. Яшкова Т. А. Сравнительная политология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки «Политология», «Международные отношения», «Социология». М.: Дашков и К°, 2015. 607 с.
33. Ван Гуан Хоу. Динамика изменений в отношениях Китая и АСЕАН после финансового кризиса: стратегия «балансирования великих держав» АСЕАН как перспектива (на кит. яз.) // Международные форумы. 2004. №6. С. 25–29.
34. Ван Сэнь. Стратегический анализ: истоки дипломатии балансирования великих держав АСЕАН (на кит. яз.) // Исследования в области принятия стратегических решений. 2016. №6. С. 31–45.
35. Ли Дин Синь. О четырёх измерениях сбалансированной дипломатической стратегии АСЕАН (на кит. яз.) // Изучение и исследование. 2014. №8. С. 45–49.
36. Хуэй Мин. Краткий анализ стратегии баланса великих держав АСЕАН: взгляд на отношения АСЕАН с Китаем, США и Японией (на кит. яз.) // Социалистические исследования. 2004 №6. С. 169–171.
37. Цао Юнь Хуа. Маневрирование среди великих держав: обзор стратегии балансирования великих держав АСЕАН (на кит. яз.) // Журнал Цзинань. 2003. №3. С. 11–21.
38. Acharya A. Will ASEAN survive great-power rivalry in Asia? // East Asia Forum. 2015. Vol. 7. No. 3. P. 17–20.
39. Barron D. Event Analysis. Event Counts and Event History Analysis [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3CTodM (дата обращения: 14.04.2024).

40. Dolan E. W. New study helps pinpoint the key differences between liberals and progressives in the United States [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psypost.org/new-study-helps-pinpoint-the-key-differences-between-liberals-and-progressives-in-the-united-states> (дата обращения: 25.04.2024).
41. Emmers R. Cooperative Security and the Balance of Power in ASEAN and the ARF. New York: Routledge Curzon, 2003. 197 p.
42. Gunnarsson Payne J., Tornhill S. The Enemy's Enemy: Feminism at the Crossroads of Neoliberal Co-Optation and Anti-Gender Conservatism // Journal of Political Ideologies. 2023. №28. P. 62–82.
43. Leifer M. The ASEAN Regional Forum: Extending ASEAN's Model of Regional Security. Oxford: Oxford University Press, 1996. 65 p.
44. Mahler G. S. Comparative Politics: Exploring Concepts and Institutions Across Nations. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2019. 522 p.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Andrei V. Abramov

- e-mail: abram-off@mail.ru;
Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof.,
Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Vladimir M. Kapitsyn

- e-mail: kapizin@yandex.ru;
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof.,
Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Olga Y. Kokurina

- e-mail: kokurina@polit.msu.ru;
Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Daniil S. Polulyakh

- e-mail: daniilpolulyakh@mail.ru;
Cand. Sci. (Political Sciences), Assistant of the Department of
Comparative Political Science, Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Sun Zhiqi

- e-mail: zhiqi7777@mail.ru;
Postgraduate student, Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Abramov A. V., Kapitsyn V. M., Kokurina O. Yu., Polulyakh D. S., Sun Zhiqi. Topical issues of political comparativism in Russia. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the controversial problems of contemporary comparative political science and to present to the scientific community mini-studies on some of the debatable issues of political comparativism.

Methodology. In the course of the round table held at Moscow University with the support of the Russian Social and Humanitarian Journal the following topical issues of comparative political science were discussed: the possibility and prospects of applying event analysis in comparative studies; assessment of the state of domestic comparativism through the prism of the content of textbooks on the discipline; comparative-historical analysis of the Russian reward system; comparison of domestic and foreign scientific discourse on ideologies and the state of international relations.

Results. It has been established that the topics and problems of modern comparative studies, their dualism and contradictory nature are largely conditioned by the current state of international relations: the transformation of the unipolar world into a multipolar one. The incompleteness of this process, its complex and contradictory nature leads to the fact that the traditional scientific tools are not always suitable for the study of modern phenomena and processes.

Research implications. The results of the study may be of interest to political scientists specializing in the field of political comparativism, theory and methodology, the study of international relations.

Keywords

Comparative political science, comparative studies, event analysis, discourse analysis, political science textbook, reward system, contemporary ideologies, ASEAN

References

1. Achkasov V. A. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2002. 181 p.

2. Borzova E. P., Burdukova I. I. *Osnovy sravnitel'noi politologii* [Fundamentals of Comparative Politics]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kul'tury Publ., 2005. 207 p.
3. Braudel F. Le temps du monde (Rus. ed.: Kubbel L. E., transl. *Vremya mira*. Moscow, Progress Publ., 1992. 680 p.).
4. Vasilenko I. A. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. Moscow, Yurait Publ., Vyssheye obrazovanie Publ., 2009. 376 p.
5. Gadzhiev K. S. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science]. Moscow, Ekonomika Publ., 2011. 397 p.
6. Glukhova A. V., Sidenko O. A., Shcheglova D. V. *Osnovy sravnitel'noi politologii* [Fundamentals of Comparative Politics]. Voronezh, Izdatel'skii dom Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2019. 122 p.
7. Golosov G. V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta Publ., 1994. 177 p.
8. Goncharov E. A. *Teoreticheskie osnovy sravnitel'noi politologii* [Theoretical foundations of comparative political science]. Krasnoyarsk, Sibirskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet Publ., 2004. 164 p.
9. Dagbaev E. D. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009. 243 p.
10. Dednev A. V. *Nagrannaya sistema kak sotsial'nyi fenomen (sotsial'no-filosofskii analiz): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The reward system as a social phenomenon (social and philosophical analysis): abstract of Cand. Sci. thesis in Philosophy]. Moscow, 2008. 22 p.
11. Demchuk A. L. *Leksii po sravnitel'noi politologii* [Lectures on comparative political science]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2007. 163 p.
12. Egorov V. G., Abramov A. V., Fedorchenko S. N. *Sravnitel'naya politologiya postsovetского prostranstva* [Comparative Politics of the Post-Soviet Space]. Moscow, KNORUS Publ., 2017. 411 p.
13. Zheltov V. V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Political Science]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2005. 338 p.
14. Kokurina O. Yu. [Introduction to the history of the award law of the Russian state]. In: Kokurina O. Yu. *Istoriya nagradnogo prava Rossiiskogo gosudarstva. Ch. 1. Rossiiskaya imperiya: 1698–1917 gg.* [History of the award law of the Russian state. Pt. 1. Russian empire: 1698–1917]. Orel, Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS Publ., 2018, pp. 6–97.

15. Kokurina O. Yu. *Gosudarstvennye nagrody v Rossii (teleologicheskie i aksiologicheskie osnovaniya pravovogo regulirovaniya): avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [State awards in Russia (teleological and axiological bases of legal regulation): abstract of Dr. Sci. thesis in Law]. Moscow, 2015. 57 p.
16. Kokurina O. Yu. *Gosudarstvennye nagrody v Rossii: voprosy teorii i praktiki* [State awards in Russia: issues of theory and practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 512 p.
17. Kokurina O. Yu. [Fundamental social values in state award tradition of Russia]. In: *Vestnik Evraziiskoi akademii administrativnykh nauk* [Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], 2013, no. 4, pp. 10–24.
18. Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration (Rus. ed.: Makarenko B. I., transl. *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh. Sravnitel'noe issledovanie*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1997. 287 p.).
19. Malinkin A. N. [The Social Essence of the Award: A Study on the Sociology of Power]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 2020, no. 23, pp. 188–219.
20. Malinkin A. N. [Social and ethical meanings of the state awards of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945: research on the historical sociology of the award rights]. In: *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [History magazine – researches], 2012, no. 6, pp. 7–20.
21. Mikhailova O. V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Political Science]. Moscow, Yurait Publ., 2015. 310 p.
22. Novosyolov M. V. [The horizons of using even analysis in sociology]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social sciences and humanities: theory and practice], 2018, no. 1, pp. 497–506.
23. Pavroz A. V. [Teaching Comparative Politics in Russia]. In: *Demokratiya i upravlenie: Informatsionnyi byulleten' issledovatel'skogo komiteta Rossiiskoi assotsiatsii politicheskoi nauki po sravnitel'noi politologii* [Democracy and Governance: Newsletter of the Research Committee of the Russian Political Science Association on Comparative Politics], 2006, no. 1, pp. 15–16.
24. Salmin A. M. *Sovremennaya demokratiya* [Modern democracy]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 447 p.
25. Semenov A. V. [Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 317–341.
26. Smorgunov L. V. [Political event analysis and its significance for modern comparative political studies]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2011, no. 1, pp. 122–133.

27. Smorgunov L. V. *Sravnitel'naya politologiya: teoriya i metodologiya izmereniya demokratii* [Comparative Politics: Theory and Methodology for Measuring Democracy]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo universiteta Publ., 1999. 374 p.
28. Sorokin P. A. [Causes of war and conditions of peace]. In: Sorokin P. A. *Obshchedostupnyi uchebnyk sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Publicly available textbook of sociology. Articles from different years]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 491–501.
29. Gaman-Golutvina O. V., ed. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2015. 752 p.
30. Timofeev I. N. [COVID-19 and the policy of sanctions: An event analysis]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], 2020, vol. 13, no. 4, pp. 449–464.
31. Shestopal E. B., Klimov I. A., Nesterova S. V. [Some problems of political science education in higher education in Russia]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1997, no. 1, pp. 167–181.
32. Yashkova T. A. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science]. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2015. 607 p.
33. Wang Guan Khou. [Dynamics of Change in China-ASEAN Relations after the Financial Crisis: ASEAN's Great Power Balancing Strategy as a Prospect (in Chinese)]. In: *Mezhdunarodnye forumy* [International forums], 2004, no. 6, pp. 25–29.
34. Wang Seng. [Strategic Analysis: The Origins of ASEAN Great Power Balancing Diplomacy (in Chinese)]. In: *Issledovaniya v oblasti prinyatiya strategicheskikh reshenii* [Research in Strategic Decision Making], 2016, no. 6, pp. 31–45.
35. Li Din Sin. [On the Four Dimensions of ASEAN's Balanced Diplomatic Strategy (in Chinese)]. In: *Izucheniye i issledovaniye* [Study and research], 2014, no. 8, pp. 45–49.
36. Khuei Min. [A Brief Analysis of ASEAN's Great Power Balance Strategy: A Look at ASEAN's Relations with China, the US and Japan (in Chinese)]. In: *Sotsialisticheskie issledovaniya* [Socialist studies], 2004, no. 6, pp. 169–171.
37. Tsao Yun Khua. [Great Power Maneuvering: A Review of ASEAN's Great Power Balancing Strategy (in Chinese)]. In: *Zhurnal Tszinan'* [Tzinnan Magazine], 2003, no. 3, pp. 11–21.
38. Acharya A. Will ASEAN survive great-power rivalry in Asia? In: *East Asia Forum*, 2015, vol. 7, no. 3, pp. 17–20.
39. Barron D. Event Analysis. Event Counts and Event History Analysis. Available at: clck.ru/3CTodM (accessed: 14.04.2024).

40. Dolan E. W. New study helps pinpoint the key differences between liberals and progressives in the United States. Available at: <https://www.psypost.org/new-study-helps-pinpoint-the-key-differences-between-liberals-and-progressives-in-the-united-states> (accessed: 25.04.2024).
41. Emmers R. Cooperative Security and the Balance of Power in ASEAN and the ARF. New York, Routledge Curzon, 2003. 197 p.
42. Gunnarsson Payne J., Tornhill S. The Enemy's Enemy: Feminism at the Crossroads of Neoliberal Co-Optation and Anti-Gender Conservatism. In: *Journal of Political Ideologies*, 2023, no. 28, pp. 62–82.
43. Leifer M. The ASEAN Regional Forum: Extending ASEAN's Model of Regional Security. Oxford, Oxford University Press, 1996. 65 p.
44. Mahler G. S. Comparative Politics: Exploring Concepts and Institutions Across Nations. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2019. 522 p.